

Игорь Шестков "Купала"

Накануне мне приснился сон. Будто я среди домов... плаваю. В потустороннем городе. Улиц и тротуаров там нет, везде вода. Нет ни людей, ни деревьев. Только огромные прямоугольные дома стоят в воде. Вода белая, тяжелая. А у домов – темные стены. Будто из самой тьмы спрессованные.

Или это сатанинские ульи? И из них вылетают гигантские пчелы, собирающие в преисподней трупный яд?

«Куда ты плывешь? Зачем?» – спрашиваю себя во сне.

И сам себе отвечаю: «Я плыву к башне. Мне надо плыть. Плыть...»

Выбрасываю руки вперед. Гребу. Гребу.

Белая вода расходится передо мной двумя волнами. Странная вода. Не пенится.

Молоко небытия.

За домами показалась коническая башня. Вот громадина! До неба. Сквозь маленькие узкие окна видны отблески света. Подплываю к величественным воротам. Вплываю внутрь. Изнутри башня похожа на гигантский шатер на воде. Посередине – песчаный островок. На нем костер. Пламя желтое, высокое. Рядом с костром лежит мертвец.

Выхожу из воды. Подхожу к телу. Это мертвый мужчина. Утопленник. Тело распухшее. Борода всклокоченная. Водянисто-синие глаза открыты. Кладу руку на его холодный лоб, чтобы закрыть глаза, но тут что-то вздымается, подхватывает меня под мышки и бросает через костер. Я падаю, встаю и снова, подчиняясь неведомой мне силе, прыгаю через костер. Прыгаю легко. Высоко. Ах, здорово! И еще раз. И еще. И все быстрее, быстрее. Всю ночь я прыгал, а утопленник смотрел на меня своими мертвыми водянисто-синими глазами.

Проснулся. Комната залита светом. Полдесятого утра. Июль. Суббота. Знойный день.

В квартире – пусто. Жена и дочка в Крым уехали. На работу идти только в понедельник. Свобода.

Одно мучает – кто же был этот мертвый человек в башне? Глаза проклятые все время в голову лезут. Где-то я его видел. Лицо знакомое. Может, у Редона? Тоже

мне, проблему нашел.

Завтракать! Чайку заварить. Хлеба белого два куска. И творожная паста с изюмом. Дочка есть не стала. Папе оставила. Роскошный стол. Поел. Выпил чаю.

Подошел к окну, широко открыл рот, чтобы Солнце проглотить. И замычал, как в детстве у врача: «Ааааа!»

Настроение было странное. Хотелось такое сотворить, чтобы чертям тошно стало. Хотя в коленях и бедрах чувствовалась усталость, как будто я действительно ночью через костер прыгал. Откуда это?

Ну я и сотворил. Никуда не поехал, ничего делать не стал. Развалился на нашей широкой софе. Стал рассматривать собственные картины.

Обнаружил, что «ангелы» и «христы» на моих досках напоминают утопленников. Нет на них и следа «благодати». Не зря мне мертвец приснился! Взял в руки телефонную книгу. Полистал.

Позвонить что ли кому?

Кому звонить? Родным? Начнут нудить. Друзьям? Надоели. Сама собой пришла в голову шальная мысль – позвоню Милке. Она не друг, не враг, не любовница. Так, всего понемножку. Набрал номер.

Милка, ты? Это Димыч. Что, какой. Ясно какой, тот самый. Что? Почему пошел...? Я и так там. Где? Понятно где. Лето, Солнышко светит. А мне утопленник приснился. Что? Почему психанутый? Я в полных силах, физических и духовных. Что? Почему тебе наплевать? Почему убежал? Не убежал, а просто уехал, меня дома жена и дети ждали. Что? Почему, не пи.ди. Я не пизжу. Что? Скотина неблагодарная? За что мне тебя благодарить? Спасибо, что ты нажралась и меня продинамила. Что? Я сам динамо? Ты что, не хочешь меня видеть? Так и скажи. Динамо...

И все таки Милка согласилась на встречу. У нее. Просила купить вина и поесть. В восемь вечера.

Пошел в универсам. Взял две бутылки молдавского розового и Кагор. Повезло. В те времена в винных отделах не было неделями спиртного. Некоторые научные сотрудники нашего института перешли на самообслуживание – гнали первач скороварками. А рабочие пили вообще все, что горит. Жевали зубную

пасту. В глаза закапывали Тройной одеколон.

И сыр взял. Голландский. Полкило. Еще батон белого. С Кагором самый раз. Хотел купить масло. Нету. взял кусок колбасы. По два двадцать. Другой нет. Пришел домой. Принял душ. Почитал. Помечтал.

К вечеру поехал. Старался на окружающее не смотреть. Ясневские улицы были в последние перестроечные годы на удивление грязными. Мой коллега математик Портнягин шутил: «Хаос начал завоевывать социалистически переопределенные пространства. За что когда-нибудь ответит перед пролетарским судом. Из него извлекут квадратный корень».

Метро. Люди в вагонах потные. Душно. У половины – студенистые оторопелые рожи. Как будто в коме. Полчаса до центра. Пересадка. И еще четверть часа на восток. Автобус. Бензином воняет. Приехал. Где я? Где-то недалеко от шоссе Энтузиастов. Улица Электродная. От такого названия током бьет. Какие-то склады. Мерзкие места.

Понятно, почему Милка уехать хочет. Жить тут страшно. Похуже моего сна. Дома старые, архитектуры никакой. Люмпена с жуткими харями бродят. Мой мертвец тут бы никого не испугал. Сказали бы ему: «Ну че, мужик, вставай! И уматывай отсюда, пока цел».

Милкин дом. Тоже – не Корбюзье. Сталинская четырехэтажка. Обшарпанный дом. Бурый. В подъезде – мокро, темно, воняет гнильем. Третий этаж. Квартира 68. Вот дверь.

Позвонил. Раз. Второй. В третий раз звонил минуты три. Ну, черт! Нельзя с бабами ни о чем договариваться. Или спит или уехала куда. Из мести. За то, что в последний раз оставил ее одну у знакомых. Так ведь она пьяная была. И злая как пес.

Позвонил еще раз для контроля. Хотел было уже повернуть оглобли. Слышу – шаги за дверью. Открывает.

«Привет! Не входи, я голая, из ванной. Через минуту заходи. Проходи в комнату где кресла, Там подожди. Я домоюсь и выйду».

И дверь прикрыла.

Подождал минуту. Вошел в квартиру. Осмотрелся. Даже не очень грязно. В гостиной – мебель из остатков родительского гарнитура. Книжные полки.

Кресла большие. Удобные. Столик полированный. На столике рюмки. Пепельница. Пачка Столичных. Газеты. Огонек. Шторы шоколадные, в квадратик. Уютно, только окурками пахнет.

Из ванны Милка вышла минут через пять. Маленькая женщина. Но грудь большая. Еврейка. Толстенная. Некрасивая. Но глаза с искоркой. Вульгарна и самоуверенна как дьявол. Осторожно надо с ней. Липучая. И уж очень цинична. Вышла Милка в махровом халате на голое тело. Меня сразу обожгло. Я подошел к ней, обнял, поцеловал в щеку, хотел залезть пальцами под халат. Этого она не позволила, приказала: «Бутерброды сделай! На кухне».

И ушла в спальню. Вернулась переодетая и причесанная. Забралась в кресло с ногами. Закурила.

Я разлил вино. Провозгласил банально: «За встречу!»

Мы выпили. Я спокойно. Милка – трепетно. Видимо, проголодалась.

Протянул: «Давнееенко не виделись. Ну, как оно?»

«Как, как. Уезжать надо, пока щель в Совке не замуровали!»

«И куда ты хочешь ехать?»

«Чего куда? Выбор что-ли есть. На юг».

«А в Штаты?»

«Сам знаешь, туда не ходят поезда. Гаранты нужны какие-то. У меня там никого. Поеду на юг».

«И что ты там делать будешь?»

«Не знаю. Главное – из Совка выдраться. Хуже не будет. Рано или поздно тут все равно кровяшка хлынет. Проектов у меня – море. Например, открою бордель для бывших совковских баб. Ебарей найду крепких. Массажистов, артистов, певцов. Пусть поют, прыгают, массаж для похудения делают. А то все совейские как свиньи жирные. Чтоб и культура была и здоровье и удовольствие».

«Возьмешь меня ебарем?»

«Димыч, лапочка, – Милка выпила еще и явно подобрела. – Конечно возьму. Но не ебарем. Ты мне стены будешь расписывать, для особо богатых клиенток будешь сказки рассказывать и сны золотые навевать».

Вот паскуда!

«Кстати, мне сегодня такой странный сон приснился...»

Рассказал ей сон. Еще и прилгнул для красоты. Открыл вторую бутылку. Мы добавили.

«А ты знаешь, что сегодня купальская ночь? Иван Купала, слышал? Вот тебе огонь и приснился. Через костер в Купалу прыгают. А мертвый – это ты и есть. Твой образ. И глаза синие. Это ты сам, дурашка».

От «дурашки» меня чуть не вырвало. Я обзлился. И возбуждился. Мысленно сорвал с нее майку и впился ей в грудь как овод.

Милка продолжала: «Ты своей рабской жизнью сам себя убил. Жену ты не любишь. Живешь с ней, потому что трусишь развода, трусишь искать свое... На работу в институт ходишь, хотя от науки тебя тошнит. Даже кандидатскую не защитил! Димыч, ты все просрал... жизнь, жену, науку. И меня».

Про жену она врала. Жену я любил. Но дела у нас не ладились. Долго рассказывать. А про науку она точно сказала. И про жизнь тоже.

«Трус. Мертвый. Но все еще демон!» – тут Милка кокетливо посмотрела на меня. «Кокетливо» для нее означало – презрительно. Губы сжала. Ноздри слегка раздула. Повела глазами.

Я встал, подошел к ней. Прошептал ей на ухо: «Я тебя хочу. Пойдем в спальню».

Милка от меня мягко отстранилась и сказала твердо: «Позже».

Налила себе полную рюмку розового. И жадно выпила.

«Да, ты себя убиваешь. Постоянно убиваешь. Спишь с женой. А она тебя не любит. На работу ходишь. И все – зазря. А картины пишешь хорошие. Только я их не понимаю. Ничего вообще не понимаю... Ну и дрянь это молдавское розовое... она купила розы, а он ушел к другой...»

Икнула. Еще не перебрала, но уже вышла на глассаду. Скоро начнет блевать.

Проходили. Вот черт. Знал же все заранее. Какого лешего ты сюда приперся?

Только для того, чтобы ее за дебелие сиськи полапать? Дурак! Прекрасный июльский день испоганил.

Я предложил: «Милка, ты хоть бутерброд съешь. А то надерешься, что я с тобой делать буду?»

Милка ответила агрессивно: «Ничего я тебе с собой делать не позволю. Ты трус. Утопленник! Ты в собственной моче утонул. Почему вы все такие трусы? Не мужчины, а дерьмо. Вот из-за таких как ты Совок и существует. И вас вечно

будут душить и обирать. Будут вас, как баранов, стричь. Если ты в своей семье трус и на работе трус и в постели тоже будешь трус и фуфло».

Я разозлился. Подумал: «Срезать ей, что ли, по роже?»

Но не ударил. Никого я никогда не бил. И бить не буду. Телом здоровый, а духом слабоват. Трус и фуфло.

Решил уйти. Встал решительно, прошел в прихожую, сандали натянул и к выходу направился. Милка догнала меня, обняла, заглянула в глаза, и прижалась грудью к моему животу. Моментально другую роль разыграла. И как умело!

Прошептала: «Не уходи!»

Даже слезу пустила. Я растаял, конечно. И остался.

Милка ушла в ванну. Привела там себя в порядок. Вышла свежая и, как мне показалось, даже трезвая. Чудеса!

Опять сели в кресла. За разговорами допили вторую бутылку. Съели бутерброды. Я разлил Кагор. Кагор был сладенький.

«Я нигде за границей не был. Понятия не имею, как там люди живут. Хотел на третьем курсе в Болгарию съездить. Не пустили. Не прошел собеседования. Скоты. А Израиль для меня вообще белое пятно. Что там наши делают? Арабы вокруг. Когда-нибудь они Израиль прикроют. А нашим первым башки поотрезают. Секир башка, товарищи бояре! Ну а что еще у тебя на уме? Кроме борделя».

«Подумываю о литературном журнале. Ты ведь знаешь, я пишу. И знакомых писак – пол Москвы».

«Все врет! – подумал я. – Врет и не краснеет. Про меня правду сказала – а про себя ересь плетет. Ничего она не пишет. Да и писать мы можем только о нашем советском дерьме. Кому это надо?»

«Открою женский бордель имени Крупской. Буду издавать журнал «Моча дяди Мони» для интеллигентных совков».

«Мало ты этой сволочи здесь насмотрелась. Лучше открой котлетную имени Семнадцатого партсъезда для аборигенов! На руинах Второго Храма!»

«Астраумный! У меня на юге уже половина друзей. Среди них настоящие люди есть. А не только болтуны. Зовут меня. А я все еще с приглашением не разобралась».

«Кому ты там нужна? Сама себе не ври».

«Пошел ты на хер...»

«Я тебе уже по телефону сказал, что я уже там. На большом. И с пупырышками. Не знаю, что делать. Из института наверно уйду. Вот будет радость. Плюнуть в их верноподданные рожи и сказать. Прощайте, товарищи. Как я рад, что больше вас никогда не увижу! Надоели вы мне за десять лет принудиловки.

Остоп.здили!»

«Не уйдешь, ты осторожный. А если коммунаки всю карусель назад раскрутят?»

«Что-нибудь придумаем. А что, если весь твой Израиль – одна большая жопа?

Будешь там сидеть на жарнице, без денег, без языка... Одинокая и пьяная... А там еще и секир башка...»

Милка вдруг захныкала: «Никому я не нужна, Димыч. Ни тут, ни там».

И опять слезу пустила.

«С матерью совсем контакт потеряла. Она как придет, начинает орать. Отец уже пять лет парализован. Тоже орет. Сын знать меня не желает. Живет где-то у друзей. Работать надоело. В нашей мастерской все носы подняли. Дерьмо чуют. Кое кто уже смотал. А начальник – под судом за спекуляцию драгметаллами. У меня руки стали дрожать. Мужа уже лет пять не видела».

«А он у тебя правда испанец?»

«Да какой он в жопу испанец. Колумбиец. Есть такая задрипаная страна. Кроме кофе и наркоты там и нет ничего. Один раз побывала, больше не поеду.

Бандиты, москиты, духота... Муж там пропал. Может убили...»

«Ты не реви, все обойдется, он к тебе еще в гости приедет, в Тель Авив».

«Да пошел он!»

«Милка, а ты чистая еврейка?»

«Чище не бывает. И отец и мать. Дед раввин. Отец обрезан».

«А мать коммунистка!»

«И мать коммунистка. И отец. Очень по-еврейски. Надеюсь там поймут. Они там все коммунаки, леваки».

«Как ты думаешь, запрут Совок? Ведь если границу не закрыть, мы все рано или поздно двинем. Останутся только ленивые. Совдепия под откос пошла. Я по дороге столько грязищи видел. И люди все, как будто из дурдома вчера вышли.

Хочется рвануть, но не знаю, куда. В Израиль боюсь. У меня мама русская. А евреев, когда сила на их стороне, я узнал на собственном опыте в лаборатории. Такими спесивыми гадами становятся. Хуже русских».

«Ну вот, евреев испугался. Ну кому какое дело до твоей мамы? Половинок берут».

«Я – человек русской культуры, в Христа верю. Православный».

«Ты только мне-то не рассказывай. Верю. Русский. Православный. Ты такой же православный как дядя Моня. Библии начитался. С попами наговорился. Голову себе сам заморочил. А попы твои – кгбешники!» – милкин голос начал грубеть.

В него назойливо лезли модуляции базарной бабы.

«Русской культуры ты человек? Да ты на все русское первый насрешь, когда возможность предоставится. И Христа продашь! Христианин хренов! Кому какое до тебя дело? Много о себе понимаешь. Не говори никому, ходи в церковь тихо. Их в Израиле больше чем здесь. Молись своему Христу. Не выебывайся! Ох уж эти мне совки. В Коммуниздии – все врут, приспособливаются. А как уедут – я христианин! Я еврей! Да говно вы все, а не христиане. Знаю я вас. Показушники. С евреями – вы евреи. С православными – православные. И везде лезете в первачи. Вот ты тут сидишь, со мной разговариваешь, а думаешь только о моей манде. Говно!»

«Ты сама говно!»

«Ладно, кончай п.здить. Разливай Кагор».

Милка пошла в разнос.

Мы выпили. Кагору осталось на самом доньшке. Я взял бутылку в руки, стал в нее смотреть. Увидел голую Милку, купающуюся в вине. Милка в бутылке была маленькая и розовая.

Весь мир был розовым. И сладким. И никуда не надо было уезжать. Все было чудесно.

Ну вот, и я набрался. А ведь не хотел.

Милка встала и, качаясь, пошла в спальню. По дороге сбросила одежду. Залезла под одеяло. И закрыла глаза. Помнила она еще о том, что я тут?

Я медленно разделся. Прилег к ней. Хотел начать любовную игру. Но вместо этого тут же заснул. Мертвым пьяным сном.

И снится мне сон. Тот же самый, что и прошлой ночью. Плыву я опять в том же городе, в белой воде. Но на этот раз – вода легкая, ласковая и не вода это, а взбитые в ангельской кухне частички света. Белок дня. Благословение небес. Попробовал во сне ее на вкус – сладкая, как сгущенное молоко. И дома как будто стали оживать. Посветлели, поголубели и порозовели. Из фасетных стен вылетели не злые пчелы, а маленькие крылатые человечки. Эльфы. Кружились вокруг меня, садились на плечи. Щекотали и заигрывали. Вот и башня. Вся из цветного светящегося хитина. А внутри – лучезарность. Посередине, на островке, бьет фонтан живой воды. И вокруг него кольцами расходится волшебное сияние. Рядом с фонтаном стоит человек. Тот самый, утопленник. Но теперь он – живой. Тело светится. Препоясан. Борода белая, шелковистая. Зовет меня. Улыбается. Глазами синими сверкает как бриллиантами. Выхожу из воды. Подхожу к нему. Он обнимает меня. Целует. И вдруг подхватывает как ребенка и бросает в фонтан.

И повис я на вершине чудесных струй, как пинг-понговский мячик. Тело мое пронзили стрелы вечного света. И весь я стал прозрачный и легкий.

Проснулся я от храпа Милки.

Тело все еще горело. Но в него уже вливалась широкой струей смертность и тяжесть реальности. Полежал. Потянулся. Еле встал. Включил лампу. Старый лиловый будильник на тумбочке показывал три часа ночи. Скверное время. Я оделся и вышел. На улице – мрак. Метро еще не ходит. Непонятно, где тут такси искать.

Милкин дом походил на огромный черный бункер. Ни одно окно не светило.